

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ФЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
Л.Н. ГУМИЛЕВ АТЫНДАҒЫ ЕУРАЗИЯ ҮЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

СОВЕТ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
Еуразийский национальный университет им.Л.Н.Гумилева

**Студенттер мен жас ғалымдардың
«ФЫЛЫМ ЖӘНЕ БІЛІМ - 2014» атты
IX қалықаралық ғылыми конференциясы**

**IX Международная научная конференция
студентов и молодых ученых
«НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ - 2014»**

**The IX International Scientific Conference for
students and young scholars
«SCIENCE AND EDUCATION-2014»**

2014 жыл 11 сәуір
11 апреля 2014 года
April 11, 2014

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫ БІЛІМ ЖӘНЕ ҒЫЛЫМ МИНИСТРЛІГІ
Л.Н. ГУМИЛЕВ АТЫНДАҒЫ ЕУРАЗИЯ ҮЛТТЫҚ УНИВЕРСИТЕТІ

**Студенттер мен жас ғалымдардың
«Ғылым және білім - 2014»
атты IX Халықаралық ғылыми конференциясының
БАЯНДАМАЛАР ЖИНАҒЫ**

**СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ
IX Международной научной конференции
студентов и молодых ученых
«Наука и образование - 2014»**

**PROCEEDINGS
of the IX International Scientific Conference
for students and young scholars
«Science and education - 2014»**

2014 жыл 11 сәуір

Астана

УДК 001(063)
ББК 72
F 96

F 96

«Ғылым және білім – 2014» атты студенттер мен жас ғалымдардың IX Халықаралық ғылыми конференциясы = IX Международная научная конференция студентов и молодых ученых «Наука и образование - 2014» = The IX International Scientific Conference for students and young scholars «Science and education - 2014». – Астана: <http://www.enu.kz/ru/nauka/nauka-i-obrazovanie/>, 2014. – 5831 стр. (қазақша, орысша, ағылшынша).

ISBN 978-9965-31-610-4

Жинаққа студенттердің, магистранттардың, докторанттардың және жас ғалымдардың жаратылыстану-техникалық және гуманитарлық ғылымдардың өзекті мәселелері бойынша баяндамалары енгізілген.

The proceedings are the papers of students, undergraduates, doctoral students and young researchers on topical issues of natural and technical sciences and humanities.

В сборник вошли доклады студентов, магистрантов, докторантов и молодых ученых по актуальным вопросам естественно-технических и гуманитарных наук.

УДК 001(063)
ББК 72

ISBN 978-9965-31-610-4

©Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, 2014

Таким образом, следует отметить, что актуализированность экономической лексики в текстах по специальности, сопряженность этого лексического пласта с подготовкой студентов к жизни выдвигает в качестве ведущих частотный, коммуникативный, системный принципы обогащения словарного запаса обучающихся и предполагает последовательную, систематическую работу в этом направлении.

Список использованных источников

1. Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. – М., 1997.
2. Вишнякова Н.Г. Терминологическая лексика, методика и принципы ее отбора. – М., 1999.
3. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. - М., 2010.
4. Современный словарь иностранных слов: толкование, словоупотребление, словообразование, этимология / Под ред. Л.М. Баш, А.В. Боборова и др. - М., 2000.

УДК 811.111.085+81'42

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ЭМОТИВНОЙ ИНТЕНЦИИ ГОВОРЯЩЕГО

Асылбаева Асем Серикказиевна

a_asylbaeva@mail.ru

магистрант 2 курса специальности 6М011800 – Русский язык и литература

ЕНУ имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

Научный руководитель – М.Б.Нуртазина, д.ф.н., проф.

Этическая номинация в русской лингвокультуре – это особый путь реализации концептуальных областей, связанных с знанием, мнением о мире и типизированными представлениями об этических номинациях, оценках, а также способ передачи языком различной эмоциональной и оценочной интерпретации мира говорящим. Возникает необходимость исследовать структуру интенций говорящего, оценочных речевых актов, особенности pragматического структурирования этической номинации в дискурсе.

Вслед за В.И. Шаховским мы рассматриваем этическую номинацию в рамках схематизации коммуникативных характеристик, своего рода как категорию речевого акта, которая обозначает психическое состояние говорящего по отношению к чему-либо или к кому-либо. Интересным также представляется рассмотрение деинтенсификаторов в таком дискурсе, которые могут ослаблять категоричность оценки, количественно градуировать какой-либо признак объекта номинации: встречаются интенсивные, умеренные признаки. Вместе с тем, в структуре речевого акта важным представляется рассмотрение межличностной составляющей, куда входят различные репрезентации моральных, эстетических и этических норм, принятых в том или ином языком социуме. В орбиту исследования будут вовлечены и такие компоненты, как социальное положение коммуникантов, то есть авторитет, власть, ролевые отношения и отношения вежливости.

Учитывая все вышесказанное, представляется возможным определить коммуникативно-прагматические функции деинтенсификации оценочных конструкций: 1) контактная функция (употребление деинтенсифицированных оценочных конструкций для установления контакта, создания определенной атмосферы общения, благоприятной для реализации интенций собеседников); 2) функция иллокутивного ослабления (снижение категоричности оценочных суждений с целью предоставить адресату возможность выбора и формирования собственного отношения к объекту оценки, а также при неуверенности говорящего в своих оценках их истинности).

Перейдем к конкретному рассмотрению эмотивных интенций говорящего.

С точки зрения структуры, опираясь на работы Н.Д. Арутюновой [1], Г.А. Золотовой [2], М.Я. Гловинской [3] и др., можно выявить те фрагменты дискурса, которые допускают или тяготеют к использованию эмотивно-оценочной лексики. Таким образом, становится возможным наметить и описать круг интенций говорящих, употребляющих в речи для достижения своих намерений эмотивно-оценочную лексику, в двух аспектах: 1) с учетом ведущего мотива, целеполагания (содержательный план) и 2) с учетом способа лексической или грамматической экспликации интенций.

По первому параметру вычленяются типы интенций, определяющих выбор эмотивно-оценочной лексики.

1. Интенция выражения эмотивной оценки

Будучи возможной в любых речевых регистрах, считает Г.А. Золотова [2], такая лексика, естественно, тяготеет к оценочным, являясь предикативным центром оценочно-эмотивных высказываний, реализующие межличностные отношения коммуникаторов. Отмеченная во многих работах семантическая функция эмотивной оценки [2, с.102] у данных слов позволяет говорящему вербализовать свою потребность в квалификации и характеризации действительности, а также выразить свое эмоциональное состояние и отношение. Мотивы оценочно-эмотивных высказываний не исчерпываются намерением сообщить свое мнение о предмете, но характеризуются стремлением, например, регулировать непосредственно поведение адресата, воздействовать на его эмоциональную сферу или систему ценностей и многими иными интенциями.

Оценки, характеризующие человека, его поведение, поступки, апеллируют к этическим, нравственным сторонам взаимоотношения человека с другими людьми или с действительностью. Ассоциируясь «с этическими понятиями добра и зла, справедливости и несправедливости, долга, ответственности и т.д.» [1, 111], оценочно-эмотивные высказывания оценивают поступки человека, групп людей, их действия, моральные принципы. По справедливому замечанию Н.Д. Арутюновой, такие высказывания «представляют собой наиболее интересный и сложный случай» [1, 84], так как «поступки делятся прежде всего на хорошие и плохие» [1, 85]. Выявить значимость и соотносительность иллоктивной силы и фактической информации таких высказываний представляется важным и интересным для нас. Оценочное суждение и эмоциональное состояние/отношение, воплощенные, например, в похвале, может быть порождено сложным интенциональным комплексом: стимулировать продолжение желаемого действия, способствовать формированию самооценки адресата, влиять на его эмоциональное состояние и взаимоотношения коммуникантов. Анализ оценочно-эмотивных высказываний под таким углом зрения углубляет наше представление о структуре интенций и вводит понятие главных и второстепенных, «ближайших и дальнейших целей коммуникации» [1, 181]. Наш богатый иллюстративный материал показывает, что такая положительная оценка может сопровождаться расширенной экспликацией. Например: «*Хороший человек Ваня Жилин. Можно прийти к нему в любое время и сидеть и болтать, что в голову взбредет, и никогда ты ему не помешаешь. И он всегда тебе рад. Есть такие люди на свете, и это здорово!*» (А.Стругацкий, Б.Стругацкий. Стажеры).

Оценочно-эмотивное высказывание может включать в себя характеристику не только внутренних достоинств объекта оценки, но и выразительные, яркие внешние данные. Такая характеристика всегда сопровождается развернутой портретной дескрипцией лица, вызывая к нему симпатии со стороны адресата (слушающего), подтвержденные достойными действиями объекта оценки: «*До чего же хороша она, моя любимая помощница! Нежно-розовые щеки, голубые глаза, невинные, как вода. Белокурые завитки на шее. Крахмальный колпачок не на голове, а как бы при ней невзначай присел. Старательна, точна, добросовестна. Будет из девочки толк, если не избалуется!*» (И.Грекова. На испытаниях).

В других случаях, если какая-то оценочно-эмотивная лексика обладает недостаточной информативностью, то ее смысловая неполнота и неоднозначность регулярно компенсируется дескриптивными интерпретациями, например: «*Мой отец был*

удивительным человеком. Все в нем было какое-то оригинальное; но не такое, как у других. Он знал несколько языков, но это были странные слова...Имел голос, но когда он пел, ничего нельзя было разобрать – такой это был густой, низкий голос...Любил отец столярные работы, но тоже они были как-то ни к чему – делал он только деревянные пароходики» (А.Аверченко. Отец). Сообщая в начальной части оценочно-эмотивного дискурса общую оценку, субъект речи приступает к ее фактической характеристике, построенной на уступительно-противительных отношениях «хотя, но». Н.Д. Арутюнова подобные конструкции рассматривает с противительной и уступительной конъюнкцией. «Общеоценочный предикат может входить в состав как первого, так и второго конъюнкта. Если общая оценка стоит во втором конъюнкте, она подавляет собой частные достоинства или дефекты... Если занимает первое место, возможны два вида конъюнкций – противительная и уступительная» [1, 96-97].

В эмоционально окрашенных дискурсах, выражающих крайний восторг и восхищение со стороны субъекта речи, оценочно-эмотивная лексика может употребляться без развернутых интерпретаций, например: *«-Она замечательный человек! – сказала мать и прибавила вполголоса тоном заговорщицы, испуганно оглядываясь. Таких днем с огнем поискать, хотя, знаете ли, я начинаю немножко беспокоиться. Ведь ей уже двадцать четвертый год, пора обо мне серьезно подумать. Этак за книжками и аптечками не увидишь, как жизнь пройдет. Замуж нужно»* (А.Чехов. Моя жизнь).

Все использованные слова оценочно-эмотивной семантики входят в группу нормативных рационалистических оценок. Наш иллюстративный материал подтверждает развернутый характер других типов оценки в положительной зоне. Интенция говорящего здесь, как правило, состоит в выражении рационального отношения, эмоциональной напряженности, репрезентации интеллектуальной деятельности и психического состояния субъекта оценки.

Оценочно-эмотивная лексика, употребляющаяся по отношению к третьему лицу, которое не участвует в акте коммуникации, наиболее типичны в ситуации отрицательной оценки негатива), так как это коррелируется с перлокутивными намерениями говорящего, и менее популярны в ситуации одобрения (позитива).

2. Интенция выражения эмоционального состояния

В оценочно-эмотивном дискурсе выделяется большой блок высказываний с семантикой эмоционального состояния, где эмотивная лексика является средством выражения эмоций, как правило, в высокой степени их проявления. Лексические единицы не закреплены как знаки тех или иных эмоций. Интенциональный рисунок дискурса не однороден, однако главное намерение – выразить эмоциональное состояние. Эту интенцию мы предполагаем рассматривать в возможных сочетаниях с другими, тем более что эмоциональное состояние говорящего существенно корректирует его квалификативную деятельность. В ряде случаев интенция «выразить оценку» присутствует в качестве второстепенной, а в ряде – нейтрализуется до нуля. Например: *«Ваша мама, конечно, очень добрая и милая женщина, но... Сегодня утром рано зашел я к вам в кухню, а там четыре прислуги спят прямо на полу, кроватей нет, вместо постелей лохмотья, вонь, клопы, тараканы... То же самое, что было 20 лет назад, никакой перемены... А ведь мама небось по-французски говорит, в спектаклях участвует...»* (А.Чехов. Невеста).

Для выражения эмоционального состояния с эксплицированной отрицательной оценкой используются разнообразные синтаксические конструкции: сложноподчиненные предложения, бессоюзные сложные предложения с пояснительными отношениями и др. Например: *«Он нехороший человек: обманывает женщин, способен на преступление... он может спокойно глядеть мне в глаза, хотя знает, что я видел, как он собирается украсть деньги. И все же он весь чудесный. Я буквально целый день думаю о нем»* (В.Набоков. Машенька); *«Родька был непрактичен и плохо умел соображать: набирал работы большие, чем мог исполнить, и при расчете тревожился, терялся и потому почти всегда бывал в убытке... Это был превосходный мастер, случалось ему иногда зарабатывать до 10 рублей*

в день и если бы не это невыносимое желание – во что бы то ни стало быть главным подрядчиком, то у него, вероятно, водились бы хорошие деньги» (А.Чехов. Моя жизнь). Все примеры наглядно иллюстрируют такое свойство оценочно-эмотивных слов, как широкая интерпретация оценочного признака: они обнаруживают реализованную валентность на дескриптивный текст. Наличествующие интерпретации, как правило, обусловлены стремлением оправдать, обосновать комплимент или конкретизировать его смысловую наполняемость.

Отмеченные высказывания с оценочно-эмотивной семантикой отличаются наличием двух видов оценки – объективной и субъективной, между которыми возникают отношения «возмещающей конъюнкции» [1, 96], при которых оценочно-эмотивный позитив, выражающий некоторый итог, обобщение, поглощает частично отрицательную оценку и сглаживает неприятные впечатления об объекте оценки. Если подобных «смягчающих» обстоятельств нет, то отрицательно оценочные оценочно-эмотивные лексемы выражают интенции явного или скрытого неодобрения и осуждения, например: «*Аркадий Иванович был невыносимый человек: всегда веселился, всегда подмигивал, не говорил никогда прямо, а так, что сердце екало*» (А.Толстой. Детство Никиты); «*Он был крайне азартный игрок: на пари брался с одного удара отрубить быку голову – и отрубал. Спорил с ямщиками вадайскими, что остановит шестерку лошадей за колесо – и останавливал*» (В.Пикуль. Этюды о былом).

1. **Наблюдения показывают, что отрицательная оценка сопровождается развернутой экспликацией, если характеризует не один из аспектов объекта – лица, а носит всеобщий глобальный характер. Нередко при этом признак усиливается семантическим повтором: «*А я так не люблю скучных, - заявил Юра... Я вот, Ваня, очень не люблю скучных. У них такая скучная, тошная жизнь, на работе пишут бумажки или считают на машинках, которые не они придумали, а сами придумать что-нибудь даже не пытаются... У них, у скучных, всегда уйма времени...***» (А.Стругацкий, Б.Стругацкий. Стажеры).

Резко отрицательное отношение субъекта речи к серым, неинтересным, скучным людям формирует у читателя неприятие этого типа людей, осуждение их действий, поступков, образа жизни в целом. Как правило, комментируется отрицательная психологическая и этическая оценка, выраженная оценочно-эмотивными словами. Она, как правило, продиктована желанием обличить ее носителя или раскрыть, обнажить его недостатки: «*Глупыми и непонятными остаются те люди, которые либо сами еще не знают, чего хотят, либо не стоят того, чтобы их понимали*» (И.Тургенев. Рудин).

Очень редко говорящий может открыто произнести в свой адрес негативную оценку, такое встречается лишь в случаях, когда говорящий стремится быть самокритичным, объективным, пытается по возможности оправдать себя, нежели осудить: «- *Вы циничны! – Я просто честен и умен. – Вы жестоки! – Я честен и силен. – Вы эгоист. – Я обязан быть циничным и жестоким, чтобы делать свое дело. Кроме меня его не сделает никто*» (М.Веллер. Ножик Сережи Довлатова). Откровенное признание собственных недостатков может быть средством выражения самоуничижения, чтобы привлечь внимание или вызвать сочувствие.

3. Интенция выражения оценочного суждения-мнения

Для выражения этой интенции лексическая система располагает словарем рациональных оценок. Однако в определенных коммуникативных ситуациях эмотивная лексика может быть использована для языковой интерпретации оценочной деятельности человека. В этих случаях происходит погашение, нейтрализация эмотивных смыслов в семантике слов и усиление его разговорно-просторечных признаков. Указанная интенция, реализуясь с помощью эмотивных слов, обычно сочетается с коммуникативными намерениями говорящих. Проиллюстрируем следующую речевую ситуацию «он» - другого: «*Добро торжествует у него над злом, слабый всегда побеждает сильного, мудрый глупого, скромный гордого, молодой старого*» (А.Чехов. Скучная история); «*Есть иной*

человек душевный, добрый, а то есть злой, как змея, ползет и шипит, как бы укусить невинного человека» (В.Иванов. Эдесская святыня). Подобные оценочно-эмотивные высказывания носят морализованный характер, выражают, прежде всего, объективную оценку, продиктованную этическими принципами говорящего, его образовательным уровнем и в меньшей степени субъективным восприятием.

Отрицательное высказывание в адрес слушающего может рассматриваться как легкий укор или даже комплимент: *Он еще раз перечитал письмо – выражение какой-то досадливой нежности прошло по лицу. «Глупая ты моя, глупая», - сказал он куда-то в себя»* (И.Грекова. На испытаниях).

Оценочно-эмотивная лексика способна в таких интенциях говорящего выражать не только общую оценку, но и конкретизирующую, связанную с частями тела человека и привлекательными / непривлекательными индивидуальными свойствами человека.

4. Интенция создания особого типа коммуникации

Насыщенный эмотивно-оценочными единицами дискурс преследует цель создать определенный тип общения: неофициальный, дружеско-фамильярный, грубо-фамильярный, уничижительно-презрительный и др. В высказываниях с указанными целеустановками ярко проявляется амбивалентность такой лексики: в зависимости от особенностей речевого акта одни и те же единицы могут создавать прямо противоположный тон общения.

Имеющийся в нашей картотеке фактический материал на русском, английском и казахском языках показывает, что оценка для создания особого типа коммуникации, связанная с отдельными компонентами внешности человека в сочетании с этической его характеристикой позволяет глубоко и разносторонне истолковать внешние проявления его характера, прогнозировать поступки, объяснить бездействие в отдельных ситуациях. Одно и то же оценочно-эмотивное значение может включаться в разные ассоциативные ряды, что отражает своеобразие данного вида оценки, например: «...с ней рядом Н.Тургенева, тонкая, бледная барышня, с великолепно-испуганными, протиращенными злыми глазами... с лицом ангельским, впрочем – уже ироническим; копия – юной дельфийской Сибиллы» (А.Белый. Начало века).

Посредством оценочно-эмотивной лексики говорящий оценивает привлекательность/непривлекательность индивидуальных свойств референта оценки с целью уточнения или корректировки его общего восприятия в комплексе внешних данных, манеры держаться, говорить, улыбаться, смотреть, держаться; совершаемых поступков. Как правило, оцениваются: характер, вид, голос, тон: «Дмитрий Сергеевич – оранжерейный, утонченный «попик»... видом – постник; душою – чиновник, а духом – **капризник и чувственник**; **субъективист** – до мизинца; нас – выставил, а сам – захлопнулся: холод, покой, тишина» (А.Белый. Начало века); «*А иначе приходит ущербное озлобление. Наступает раскаяние и маразм. «Он – бездарь! Я могу лучше! А кто тебе не велел?» Раскаяние и маразм!*» (М.Веллер. Ножик Сережи Довлатова).

Оценочно-эмотивная лексика создает особые условия для выражения высокой степени перлокутивного эффекта, унижения, оскорбления объекта оценки. Причем, перлокутивный эффект достигает тем большей силы, чем ярче «прагматические признаки лексем» [1, с.126]. В приведенных оценочно-эмотивных высказываниях такими признаками являются: 1) нанизывание синонимов («капризник» – «субъективист» – «чувственник»); 2) сильное окружение других оценочно окрашенных слов («оранжерейный, утонченный попик»); 3) особая интонация, передающая психологическое состояние отчаяния, крайней раздражительности говорящего; 4) семантическое противопоставление субъекта речи косвенному адресату («Он - бездарь!», «Я могу лучше»); 5) прямой повтор одного и того же слова («раскаяние и маразм»), усиливающий негативную семантическую экспрессивность.

Итак, выявленные нами интенции представляют собой сложное иерархическое целое, в котором выделяются ведущие и второстепенные мотивы. Участники интенционального комплекса связаны различными логическими отношениями, причем, доля оценочно-эмотивной семантики может быть различной, в ряде случаев редуцируясь до нуля.

Нами установлено, что выражения, употребляемые для обозначения оценочной эмотивности и его разновидностей в разных языках, могут быть проанализированы и структурированы с точки зрения когнитивной модели эмоций, скрытой в семантике языка.

Список использованных источников

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человек. – М.: «Языки рус. культуры», 2011, 896 с.
2. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М.: Наука, 1998. – 528 с.
3. Гловинская М.Я. Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. – М.: Наука, 1989. – С.74-146.

УДК 81.161.1

КОНЦЕПТ «БАБОЧКА» В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Аксенова Александра Игоревна

23_july_95@mail.ru

студентка 1 курса филологического факультета, Павлодарский государственный педагогический институт, Павлодар, Казахстан
Научный руководитель – О.К.Андрющенко

Язык является главным инструментом познания и освоения внешнего мира. Он также выступает основным средством общения людей. В равной мере язык делает возможным знакомство с другими культурами.

Пока жив язык – жива и нация. Поэтому каждый человек должен стремиться к изучению своего родного языка. Причем нельзя рассматривать все сразу с одной стороны. Нужно брать различные единицы языка и изучать их с разных сторон.

Для начала определим, что представляет собой термин «концепт».

Ю. С. Степанов дает определение, связывающее концепт с культурой: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях влияет на нее» [1, 40].

В. А. Маслова, отмечает, что «концепты – ментальные сущности, которые имеют имя в языке и отражают культурно-национальные представления человека о мире» [2, 4].

Никакой концепт не может быть представлен в полном объеме с помощью вербальных средств языка. Однако для расширения диапазона исследования в нашей работе используется разножанровый материал: лексикография (материалы словарей), фольклор (пословицы и поговорки, представляющие выбранный концепт).

Объект нашего исследования - концепт «бабочка». Для того, чтобы изучить этот концепт с разных сторон, мы изучим историю возникновения данного слова в русском языке, содержание лексического значения данного слова в толковых словарях разных авторов, а также - фразеологизмы, в которых употребляется это слово, и с чем оно в них ассоциируется. Таким образом, изучив выбранное нами слово, мы узнаем, когда оно появилось, что оно означало в момент появления и что означает сейчас, с чем ассоциируется и в каких сферах деятельности используется.

Бабочка (насекомое). Собственно русское слово. Образовано с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса *-очка* от существительного *баба* – «мотылек, бабочка», известно еще в диалектах XIX в., которое возникло лексико-семантическим образом на основе слова *баба* в значении «ведьма, колдунья << старуха»). По старым поверьям, некоторые животные, в том числе и бабочки, считались тайными колдунами. [3].